

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ.

З а е м.

* Окончание войны требовало приведения всех расходов, вызванных войной, в ясность и ликвидации их. Вследствие войны и затем смуты, финансы, а главное денежное обращение начали трещать. Война требовала преимущественно расходы за границу, а смута так перепугала россиян, что масса денег—сотни миллионов были переведены за границу. Таким образом образовался значительный отлив золота.

Я уже ранее писал, что такое положение вещей озабочивало министра финансов Коковцова еще до 17 октября. Когда еще в 1904 году я в качестве уполномоченного ездил заключать торговый договор с Германией, то и тогда уже мои попытки заключить заем наталкивались на затруднения.

Война еще в 1904 году стеснила наши финансы; поэтому, когда в 1905 году я поехал в Америку вести с японцами переговоры по заключению мира (Портсмутский договор), то вел между прочим переговоры о возможности нового займа как во Франции, так и в Америке. Во Франции выяснилось, что заем будет возможен только по заключении мира. Возвратившись из Америки, я уже повел в Париже более определенные разговоры о займе. Об этом я уже писал ранее, а также и о разговорах моих с императором Вильгельмом в замке Роминтен и как удалось мне устроить Алжезирасскую конференцию. Это был первый шаг, затем нужно было ожидать решения международных представителей.

Конференция тянулась с ноября-декабря 1905 года до конца марта 1906 года, и все это время мне не удалось устроить надлежащего займа. Между тем, вернувшись в Петербург и после 17 октября вступив во власть, я ясно увидел, что для того, чтобы Россия пережила революционный кризис и дом Романовых не был потрясен, необходимы две вещи—добыть посредством займа большую сумму денег, так, чтобы не нуждаться в деньгах

(т.-е. в займах) несколько лет, и вернуть большую часть армии из Забайкалья в Европейскую Россию.

Имея деньги и войско, а затем ведя добросовестную политику в точности согласно обещаниям, данным манифестом 17 октября и в духе моего всеподданнейшего доклада, опубликованного одновременно с манифестом с царскою собственноручною подписью «принять к руководству», я был уверен, что в конце концов все успокоится и войдет в норму, ибо жизнь 150 милл. населения того потребовала бы.

Что касается денег, то, приняв власть, я поставил себе задачей не только запастись деньгами, но сделать это до созыва Государственной Думы, покуда не вступило в силу новое положение государственных вещей, ибо, конечно, мне было ясно, что если первая Государственная Дума, которая, несомненно, должна была быть неуравновешенной и в некоторой степени мстительной, будет созвана, покуда правительство императора Николая II не будет иметь хороший запас денег и войско и начнет трактовать заем при Думе, то заем совершится не скоро, а время не терпело, и будет неудачен, так как банкиры предъявят более тяжелые требования, а затем правительство без денег может совсем лишиться свободы действий, необходимой в известной мере вообще, а в смутное время, которое тогда переживалось, в особенности.

Итак, вступив после 17 октября во власть, мне стало ясно, что надо запастись деньгами не только для покрытия произведенных из-за войны расходов, но и про запас, что это может быть сделано, лишь уладивши мароккский вопрос на Алжезирасской конференции. Явился вопрос, с кем делать заем, т.-е. какую группу поставить во главе этого дела. Так как предстояло сделать громадный заем, то было очевидно, что сие может быть сделано лишь при главенстве Франции, поэтому, будучи в Париже, я уже говорил по этому предмету с Г. Нейцлином, главою перво-классного банка «de Paris et Pays Bas». Нужно было также выяснить, можно ли привлечь к делу Ротшильдов.

Во Франции в то время были две главнейшие группы синдикатов банкиров: одна называется еврейскою, потому что во главе ее становился дом Ротшильдов, а другая, так называемая христианская, во главе которой стоял «Crédit Lyonnais», покуда был жив глава этого банка Жермен, а затем стал банк «de Paris et Pays Bas», т.-е. Нейцлин.

Я очень хорошо знал главу дома Ротшильдов, знаменитого барона Альфонса Ротшильда (семейство которого было близко с Наполеоном III, в замке которого Ферьер, близ Парижа, во время войны 70-го года, поселился на правах сильного импе-

ратор Вильгельм I с своим штабом). Он за несколько месяцев до того времени умер, а потому, будучи в Париже, я с Ротшильдами не виделся. Кроме того я знал, что в виду гонения на евреев в России, так усердно осуществленных в 1904 году Плеве, они на помощь России без условий относительно облегчения участи русских евреев не пойдут, а сделать это по поводу займа я считал неудобным.

Я считал нужным пощупать почву, как отнесутся Ротшильды к займу, и поручил это нашему финансовому агенту в Париже Рафаловичу. Парижские и лондонские дома Ротшильдов между собою весьма связаны, со смертью барона Альфонса главенство перешло в руки лондонского лорда Ротшильда, поэтому Рафалович поехал в Лондон, и затем я получил от Рафаловича такой приблизительно ответ: «В виду уважения, питаемого Ротшильдами к личности графа Витте, как государственного деятеля, они охотно оказали бы полную поддержку займу, но не могут этого сделать, покуда в России не будут приняты меры к более гуманному обращению с русскими евреями, т.-е. не будут проведены законы, облегчающие положение евреев в России». Так как я не считал достойным для власти по поводу займа подымать еврейский вопрос, то полученный мною ответ меня убедил, что с Ротшильдами дело это сделать нельзя.

Между тем финансовое положение страны в смысле прочности денежного обращения вследствие последствий войны и смуты все ухудшалось. Революционные элементы считали 17 октября безделушкой, они имели в виду демократическую республику, основанную на более или менее коммунистическом экономическом строе; партия конституционно-демократическая (кадеты), которая перед выборами в Государственную Думу прозвала также себя партией народной свободы, находила, что по пути 17 октября нужно пойти далее, настаивая, чтобы избирательный закон был основан на так называемой четыреххвостке, т.-е., чтобы выборы были всеобщие, прямые, равные и одинаковые для всех.

Эта партия, в состав которой, несомненно, входили русские подданные наиболее культурные и серьезно научно-образованные, совсем заела удила. Не помню, рассказывал ли я ранее такой эпизод. После вступления мною в должность председателя совета министров, т.-е. в течение ближайших дней после 17 октября, был у меня И. В. Гессен. Это был один из видных деятелей этой партии, особенно в смысле публицистическом. Он и до настоящего времени один из редакторов кадетской «Речи». Ранее я его знал, так как он служил в министерстве юстиции при Муравьеве, а затем он был замешан в политическое дело и при

министре внутренних дел князе Святополк-Мирском вместе с Милюковым угодил в тюрьму. Тогда жена его, которую я не знал, обратилась ко мне, прося выручить ее мужа, и вследствие моего вмешательства он был освобожден. Так вот этот Гессен явился ко мне, чтобы узнать, как я буду относиться к партии кадетов.

В то время к этой партии, т.-е. к партии народной свободы, примыкали и Шипов, и Гучков, и многие другие, затем перешедшие к партиям прогрессистов, 17 октября (обычно себя так называвшая), националистов и проч. Я ему сказал, что вообще к взглядам этой партии отношусь симпатично и многие воззрения ее разделяю и что потому я готов поддержать ее, но при одном **н е п р е м е н н о м** условии, чтобы она отрезала революционный хвост, т.-е. резко и **о т к р ы т о** стала против партии революционеров (в то время еще правых революционеров не было, были только левые), орудовавших бомбами и браунингами (револьверами). На это мне Гессен ответил, что они этого сделать не могут, и что мое предложение равносильно тому, если бы они нам предложили отказаться от нашей физической силы, т.-е. войска во всех его видах.

После такого обмена мнений у меня во все мое министерство уже никаких серьезных разговоров с кадетами не было. Мы ясно пошли по различным дорогам: я считал, что после 17 октября задача заключается в добросовестном и мирном осуществлении того, что этим актом было дано, помня, что всякое необдуманное быстрое и резкое изменение в жизни государства везде вызывает реакцию и подымает из реакционного болота разбойников и негодяев реакционных трущоб (Дубровин, Пуришкевич, Марков II, Казанцев, Казаринов и *tutti quanti*), а кадеты считали, что нужно сразу перестроить Россию на новый либеральный космополитический лад, сведя власть русского монарха к власти *monsieur Fallière'a* (президента французской республики). Партия эта между прочим, конечно, желала, чтобы министерство было зависимо от Думы, а следовательно состояло из кадетов, и поэтому принципиально относилась неблагоприятно ко всякому министерству, назначенному императором по своему благоусмотрению. Само собою разумеется, что эти общественные деятели понимали, что для того, чтобы правительство государя (во главе которого стоял я) не восприняло силу, необходимо прежде всего, чтобы оно не располагало деньгами, находилось в этом отношении в полной зависимости от Думы, а затем, чтобы не держало в руках и войска.

Революционеры-анархисты работали в войсках, а господа кадеты, узнав о старании моем совершить заем, действовали в Париже, дабы французское правительство не соглашалось на заем ранее созыва Государственной Думы, указывая на то, будто

бы правительство государя не может совершить заем без аппробации Думы. Эту миссию исполняли в Париже, являясь к французским государственным деятелям, между прочим князь Долгоруков—кадет и затем член Государственной Думы, в сущности весьма порядочный человек, хотя не отличающийся политическими талантами, а также Маклаков, член 3-й Государственной Думы, также совершенно порядочный человек и к тому же большого ума и таланта. Я уверен, что эти лица теперь с горестью в душе вспоминают об этих едва ли патриотических шагах, и оправданием им может служить только то, что тогда значительная часть России, особенно России мыслящей, находилась в состоянии невменяемости, в состоянии опьянения напитком, составленным из позора (Японская война) и более ста лет жданного кажущегося обладания политическим яблоком рая свободы (17 октября). Эти лица увлекались и все-таки остались тем, чем были—людьми безусловно порядочными, а сколько таких, которые в то время орали о свободе, о необходимости ограничить ненавистную бюрократию (понимай государя императора), а ныне чуть ли не служат в охранке и во всяком случае запродали себя за ордена, чины, теплые местечки или прямо «темные деньги» (импровизация Столыпина).

Пресса в то время также мало способствовала успешности займа. Русская пресса в частности не способствовала установлению за границею психологии, поощряющей возможность совершения займа. Пресса выражала в сущности тот сумбур, который овладел умами большинства мыслящей России, при чем одни выражали этот сумбур искренно, а другие лицемерно. Конечно, пальма первенства в лицемерии принадлежала «Новому Времени». До 17 октября оно первое пером своего основателя талантливейшего публициста-фельетониста А. С. Суворина с радостью провозгласило предстоящую «весну»: «Весна идет».

Она действительно пришла 17 октября. Но эта мелкая лавочка не предполагала или упустила, что часто весна приходит вместе с бурями. Она перепугалась бури и потеряла равновесие. С одной стороны, «Новое Время» все требовало, чтобы я скорее созвал Думу, думая, что там найдется счастливый покой. Конечно, публицисты «Нового Времени» не ожидали первую Думу с господами Аладьиными и проч. С другой, — они не знали, как им быть с г. г. Носарями, Бурцевым и прочими революционерами всех оттенков до анархистов включительно.

Я уже рассказывал, что эта русская пресса опубликовала воззвание революционеров, чтобы публика забирала золото из банка и казначейств и не вносила такового в казну и банк, дабы принудить правительство прекратить размен и объявить

государственную финансовую несостоятельность и, если этот хитрец старик Суворин не напечатал это воззвание, то только потому, что я его в два часа ночи вызвал к телефону и предупредил, что если воззвание будет напечатано, то я закрою газету «Новое Время». Но это воззвание было напечатано в большинстве газет.

Таким образом, наша пресса нисколько не способствовала совершению займа посредством успокоения заграничной публики. Это было на руку большинству заграничною, относившемуся с некоторым злорадством к тяжелому положению, в котором очутилась Россия. Вот, например, что доносил мне 8 января 1906 года (нового стиля) из Парижа наш финансовый агент Рафалович: «Les difficultés de la situation se manifestent très nettement dans l'attitude de la presse financière et économique. Alors que M-r Paul Leroy Beaulieu (знаменитый финансовый деятель) — avec l'autorité, que lui donne sa compétence toute spéciale, cherche à rassurer et à éclairer le public et que M-r Kergell (редактор почтенного финансового журнала — «Revue Economique») s'efforce d'agir dans le même sens, il y a d'autres publications hebdomadaires qui se livrent à toutes les démonstrations qu'inspire la haine autour d'un cadavre d'un ennemi».

«L'Economiste anglais dont l'animosité est chronique parle de l'effolement de l'étalon d'or en Russie. Mal renseigné il annonce que la Russie est forcée de recevoir au cours forcé et a l'émission du papier monnaie non couvert. D'autres journaux racontent qu'une partie des ressources en or auraient été absorbées par des achats de fonds russes à l'étranger pour soutenir les cours». «La Russie est réduite à faire des billets escomptables». C'est le cri de guerre des ennemis du crédit de la Russie».

Уже в ноябре месяце 1905 года положение денежного обращения стало весьма критическим, и я счел нужным держать в курсе дела комитет финансов. Комитет финансов с моего согласия поручил это своим членам: В. Н. Коковцову, бывшему министру финансов до 17 октября и оставившему этот пост по недоразумению без моего на то желанья, и Шванебаху, бывшему до 17 октября министром земледелия и оставившему этот пост по моему желанью. Оба члена финансового комитета с министром финансов И. П. Шиповым следили за ходом операций с золотом и вообще операций государственного банка, но, конечно, ничего для улучшения дела предложить не могли.

Так как положение все ухудшалось, то я предложил Коковцову, так как видел, что он желал бы поехать за границу, съездить в Париж попробовать сделать заем, хотя знал, что до разрешения мароккского вопроса заем невозможен. Посвящать членов

финансового комитета в политическое положение дела я не считал возможным, а так как некоторые из них выражали мнение, что заграничный заем может быть возможен, то я и предложил Коковцову съездить за границу, снабдив его надлежащими полномочиями.

Он был в Париже в 20 числа декабря 1905 года, переговорил с Рувье, но ему был дан известный мне заранее ответ, что до улажения Мароккского дела заем сделать нельзя. Коковцов пожелал в Париже явиться к президенту Лубэ и просил на это разрешения. Разрешение по моему представлению было дано.

Согласно моему разрешению Коковцову удалось только получить 100 миллионов рублей авансом в счет будущего займа от банкиров, с которыми я вел переговоры о займе. Эти 100 милл. не могли оказать никакой помощи, так как в Берлине скоро наступал срок краткосрочным обязательствам, выпущенным еще до 17 октября Коковцовым; поэтому я просил его при обратном пути остановиться в Берлине с тем, чтобы постараться отсрочить эти обязательства на несколько месяцев, что им и было сделано; при этом случае он являлся к Вильгельму. Ему удалось отсрочить, что, впрочем, было не трудно, так как германское правительство еще находилось в недоумении относительно моего образа действий по отношению внешней политики.

Ранее я имел случай рассказать, каким образом в Биорках в 1905 году, как раз когда я, едучи в Америку переговаривать с японцами, остановился в Париже, Вильгельм сумел подвести нашего государя и формально заключить за обоюдодписанием и скрепою бывших с ними высших сановников невозможный договор, ставивший царя и Россию в самое непристойное положение относительно Франции и имевший целью охранить Германию русскою кровью от нападения как Франции, так и преимущественно Англии, и как мне удалось аннулировать этот договор, но оставляя все-таки в перспективе желательность заключения такого договора, который бы объединил Россию, Германию и Францию в единое целое, держащее в руках судьбы, если не мира, то Европы. Это всегда была моя мысль и мой план, который так и не осуществился по недостатку прозорливости как нашей, так преимущественно Вильгельма. После аннулирования биоркского договора германское правительство, вероятно, охотно бы отказалось от Алжезираса и приняло бы тот путь, которого оно держалось в Париже, когда я возвращался из Америки, т.-е. путь давления на Францию, дабы она приняла все условия Берлина, которые в результате водворили бы в Марокко такое же влияние немцев, как и французов.

От такого положения дальнейший шаг был бы водворение в Марокко преимущественного влияния немцев. После моего пребывания в Роминтене Вильгельм уже согласился на конференцию, а уклониться от нее для Германии было невозможно. Алжезирасская конференция уже была факт. Тогда началась игра в Алжезирасе. Наш интерес заключался в том, чтобы как можно скорее на этой конференции кончился Мароккский вопрос и чтобы мы могли совершить заем, ставивший правительство государя на твердую почву, хотя бы в денежном отношении.

Лично мне этот вопрос был особенно важен: я создал в 1896 году золотую валюту и установил правильное денежное обращение, и мне, создателю этого российского блага, было вдвойне больно быть во главе власти при провале золотого денежного обращения, хотя провале не по моей вине, а с одной стороны, вследствие безумной войны, из-за которой еще до ее начала я покинул пост министра финансов, а с другой — по недостаточной прозорливости бывшего министра финансов во время войны Коковцова, который, боясь во время войны сделать большой заем по сравнительно низкому курсу, все ждал скорого окончания войны, надеясь, что тогда заем будет более выгоден. Он не предвидел смуты после войны, которая расстроила этот план. Впрочем, должен сказать, что не он один, а почти все государственные деятели смуты не предвидели.

Франция желала не без основания, чтобы были приняты в Алжезирасе такие условия, при которых она сохранила бы в Марокко главенство, и рассчитывала в этом отношении на поддержку Англии и особенно нашу поддержку, не только как союзницы, но, кроме того, зная, что нам деньги нужны и нужны скоро. Сделать же большой заем до окончания Алжезираса и окончания благополучного было нельзя, потому что французское правительство не разрешит этот заем и еще потому, что до улажения мароккского вопроса общее политическое положение было столь неопределенно, что не представляло удобного момента для сколько бы то ни было большой операции на европейских рынках.

Германия же старалась возможно долее затянуть конференцию, во-первых, руководствуясь обыденным в этих случаях правилом, особенно излюбленным германскою дипломатиею: что чем больше торгуешься, тем больше выторгуешь, а затем, чтобы поставить правительство царя в возможно более затруднительное положение, надеясь, что этим путем мы с ними будем более кулантны; во-вторых же, чтобы отомстить мне за уничтожение удивительного биоркского договора.

Вильгельм не мог простить мне и графу Ламсдорфу, что мы уничтожили биоркское соглашение, т.-е. прорвали капкан,

сплетенный им, и высвободили из него Николая II. В первые месяцы моего премьерства, так приблизительно до первого января 1906 года, Вильгельм еще не знал, как относительно меня держаться, милостиво или же отвернуться, но по мере того, как мое влияние падало, ко мне и в Берлине начали относиться холодно, а в конце концов, когда увидели, что я у императора Николая II подкошен и недолговечен, то начали относиться прямо враждебно, и я думаю, что Вильгельм немало влиял на Николая в смысле критическом к моим действиям. Недружелюбное отношение ко мне Вильгельма усилилось ходом дел на Алжезирасской конференции, где представителем нашим был наш посол в Испании Кассини.

Германский император желал, чтобы на этой конференции, на которую он согласился по моему ходатайству, мы поддерживали его представителей, а не представителей французской республики. Я с своей стороны желал, чтобы были приняты во внимание желания Германии, но должен был поддерживать интересы Франции в тех случаях, когда я видел, что в данном вопросе Франция не уступит.

Таким образом стараясь действовать на обе стороны умеряюще, в тех случаях, когда нельзя было достигнуть соглашения, приходилось подавать голос с французами (на конференции этой в случае разногласия вопрос решался большинством голосов держав, в конференции участвующих). Между тем, нам было необходимо, чтобы конференция эта кончилась скорее, так как тогда я мог совершить заем, необходимый для уплаты военных расходов и приведения финансов, пошатнувшихся от войны, в порядок. Вероятно, Рувье это понимал, а потому представители Франции на конференции являлись неуступчивыми, а так как за Францию в большинстве случаев подавали голоса большинство держав и таким образом решалось большинство вопросов в пользу Франции, то представители Германии с своей стороны всячески замедляли решение вопросов.

Между тем наступил январь, и я счел нужным войти в более детальное обсуждение условий займа, о котором я принципиально вел разговоры с Рувье и Нейцлиным еще со времени проезда моего через Париж. Ехать для сего за границу я не мог, доверить дело министру финансов И. П. Шипову по его неопытности в таких больших делах я тоже не мог; после неудачной поездки Коковцова за границу в декабре я также не решался сделать вторично ту же пробу. Для переговоров мне нужно было войти в соглашение с главою французского синдиката Нейцлиным, а приезд его в Россию огласился бы, это могло повредить ходу дела в Алжезирасе, и, кроме того, как только биржа узнала бы о его приезде,

пошла бы спекулятивная игра на повышение, а вернее на понижение русских фондов, которые вследствие войны и смуты и без того понизились более, нежели на 20% со времени оставления мною поста министра финансов перед войною.

В виду всего этого я просил Нейцлина приехать инкогнито ко мне и, чтобы проезд его не был обнаружен в Петербурге, я просил великого князя Владимира Александровича разрешить этому иностранцу остановиться в запасном доме при его дворце в Царском Селе. Его высочество на это любезно согласился. Конечно, во все это был посвящен государь император.

Нейцлин приехал 2 февраля и пробыл в Царском 5 дней. В течение этого времени я виделся с ним несколько раз и в присутствии министра финансов Шипова я установил с ним условия займа. Прежде всего Нейцлин высказал пожелание, чтобы заем был осуществлен лишь после созыва Думы. На это я решительно не согласился, выяснив ему, что если отложить дело до Думы, то затем в виду первого опыта народного представительства я убежден в том, что дело крайне замедлится, а необходимо этим делом спешить. Кроме того, на почве этого займа возбудится в Думе вопрос о бывшей войне и многие другие крупные политические вопросы, непосредственно с займом не связанные, а между тем способные совершенно сбить с толку заграничную публику.

Поэтому было принято первоначальное решение, чтобы совершить заем немедленно, как только из работ в Алжезирасе будет ясно, что мароккский вопрос улажен. Затем было решено, что заем должен быть сделан в возможно большем размере, дабы затем не прибегать возможно дольше к займам операциям и погасить временные займы, заключенные во Франции (Коковцовым) и Германии. Я настаивал на цифре 2.750.000.000 франков номинальных, в действительности же заем был совершен в цифре 2.250.000.000 франков — 843.750.000 рублей вследствие коварства Германии и Моргана. Заем должен был обойтись России не дороже как в 6%. Нейцлин все время в Царском и после добивался 6 $\frac{1}{4}$ %, я на это не согласился. Заем не может быть конвертирован ранее 10 лет. Синдикат должен был быть составлен из французских домов и банков голландских, английских, германских, американских и русских. Австрийские дома также могли принять участие в займе. Деньги, реализованные от займа, должны были быть оставлены у участников займа из 1 $\frac{1}{4}$ % и затем передаваемы правительству в определенной постепенности в течение не менее года. Не менее половины займа синдикат должен был взять на свой счет твердо (*ferme*). Затем были условлены более второстепенные детали. Перед выездом Нейцлин спросил меня, не считаю ли я удобным, чтобы он виделся с В. Н. Коковцовым, который о приезде Нейцлина не знал, так

как он—Коковцов—может обидеться. Я, конечно, сказал, что решительно не имею никаких препятствий, и передал В. Н. Коковцову о том, что Нейцлин здесь. Они раз виделись. Нейцлин вернулся к себе, виделся с участниками группы, в общих чертах все было установлено так, как было условлено со мною, при чем по всем вопросам я продолжал давать указания Нейцлину, и он обращался от имени синдиката ко мне вплоть до самого заключения займа. Заем же не мог осуществиться так быстро, как я желал, вследствие затруднений, делаемых в Алжезирасе Германией. Я частным образом советовал Рувье, дабы они в мелочах были более уступчивы, но на самой конференции нашему представителю, послу в Испании, графу Кассини, была выдана инструкция давать голос за Францию, хотя стараться, чтобы вопросы решались миролюбиво. Это вследствие задора Германии не удавалось.

В конце концов, как это было условлено при созыве конференции, вопросы решались большинством голосов представителей великих держав, а в большинстве случаев большинство получала Франция; Россия и Англия всегда подавали голос с французами. Насколько же притязания Германии были тенденциозны, видно из того, что даже представители ее союзниц—Австрии и Италии—по некоторым вопросам подавали голоса против Германии за Францию.

Такое положение дела еще 10 февраля вынудило меня в докладе о положении переговоров по займу, между прочим, всеподданнейше представлять его величеству:

«Соображая положение дела—все мои разговоры в Роминтене (с императором Вильгельмом) и ход дела по желанию сближения России, Германии и Франции, я не могу отделаться от некоторых, вероятно неосновательных, сомнений относительно образа действий германского правительства.

Несомненно, что с точки зрения эгоистической политики, для Германии ныне представлялся такой случай надавить на Францию, который редко представлялся и, вероятно, долго не представится. Россия теперь бессильна оказать сколько-нибудь существенную вооруженную помощь Франции. Австрия и Италия мешать Германии не будут. Англия оказать сухопутную помощь Франции не может, а Германия, конечно, может помять Францию. Следовательно, с эгоистической точки зрения большой соблазн. Но если даже не доводить дела до войны, то соблазнительно, с одной стороны, помешать одному соседу (России) быстро оправиться от войны, для чего прежде всего нужны деньги, а с другой стороны, показать Франции, что, мол, она должна искать поддержку не от ее союзницы России, а от сближения с немцами.

Поэтому невольно рождается сомнение, не хитрит ли германская политика, выбрав объектом политических махинаций в сущности не имеющий для нее интереса мароккский вопрос. По крайней мере сколько ни приходится замечать, Германия всегда только на словах очень любезна и предупредительна».

Почти одновременно, по моему настоянию, министр иностранных дел граф Ламсдорф дал нашему послу графу Остен-Сакену такую телеграмму:

«Франция дошла до крайних пределов уступчивости, согласившись (на конференции) принять почти все пункты последних предложений берлинского кабинета. Справедливость требует признать, что ныне подлежало бы Германии явить доказательство своего миролюбия, о котором по поводу мароккских дел неоднократно заявляли как сам император, так и князь Бюлов.

Между тем Германия, не видя в проектированных Францией изменениях статей о полиции достаточных гарантий сохранения в последней международного характера, отклонила таковые (в Алжезирасе) в надежде, что Франция найдет иной выход из затруднений. Было бы крайне прискорбно, если бы из-за сравнительно ничтожного вопроса полиции, по которому решительно все державы держатся тождественного мнения, конференция в Алжезирасе вынуждена была прервать свои занятия.

Мы отказываемся верить, чтобы император Вильгельм, с твердым убеждением высказавшийся перед нашим августейшим монархом за необходимость, в интересах всего человечества, сохранения мира, а также сближения, при посредстве России, между Германией и Францией, решился вызвать разрыв конференции и таким образом не только отказаться от намеченной политической программы, но и, вместе с тем, посеять среди европейских держав тревогу, которая по многосложным последствиям не менее пагубна, чем открытая война. Германскому правительству также хорошо известно, что с благополучным окончанием Алжезирасской конференции тесно связан вопрос о чрезвычайно важных для России денежных операциях; только с осуществлением последних императорское правительство в состоянии будет принять все необходимые меры к окончательному искоренению революционного движения, имевшего уже отголосок в соседних монархических государствах, которыми признано было необходимым действовать сообща против надвигающейся опасности со стороны анархических международных обществ.

Вопреки распространяемому мнению, будто препятствием к заключению Россией займа служит еврейская агитация, мы имеем положительные данные о том, что лишь полная неизвестность исхода Алжезирасской конференции побуждает французских банкиров воздерживаться от всяких финансовых сделок. Если бы император Вильгельм или канцлер коснулся в беседе с вами

Мароккских дел, вы можете вполне откровенно высказаться в смысле настоящей телеграммы».

Ссылка в этой телеграмме на евреев основана на том, что государь император передал мне и графу Ламсдорфу, что Вильгельм ему писал, что мне заем не удастся не от того, что дело не клеится в Алжезирасе, а потому что все еврейские денежные короли не желают принимать участия в операции.

Тогда же я телеграфировал нашему агенту в Париже Рафаловичу:

«Berlin essaye avec insistance de suggérer que conférence Algésiras n'a absolument aucun rapport avec la possibilité de conclure un emprunt que ce sont les juifs qui entrevoient et entreverront l'emprunt et que la conférence quand et de quelle manière elle se termine ne changera en rien la situation. Il est très désirable que Vous parliez à ce sujet avec Rouvier et que je puisse soumettre l'opinion de Rouvier à qui de droit».

На эту телеграмму я получил от Рафаловича следующий ответ, который и был представлен его величеству:

«Rouvier a répondu—«Berlin voit les choses d'un point de vue faux, car ce sont pas les israélites mais tous les gens, dont l'opinion a autorité, estiment opération impossible avant que l'horizon politique éclaire, avant qu'intervienne solution à conférence montant paix européenne garantie». J'ajoute: les journaux donnent impression pessimiste. Je suis d'avis que l'Empereur Allemand tient clef de notre opération».

Иначе говоря, германский император знает, что нам нужны деньги, что правительству нужно сделать большой заем, и, не желая этого, делает затруднение в Алжезирасе. В ответ на телеграмму графа Ламсдорфа наш посол 9-го февраля телеграфировал, что канцлер Бюлов передал ему, что заем не может быть совершен не от Алжезирасской конференции, а вследствие революционного движения в России, затем, что касается конференции, то высказал о необходимости нашего влияния на Францию, чтобы она на конференции была уступчивее.

Вследствие сего также 9-го февраля граф Ламсдорф, между прочим, телеграфировал нашему послу: «Все сказанное вам князем Бюловым производит странное впечатление, будто внимание его, главным образом, обращено было на наш заем и внутренние дела России. Оба вопроса, конечно, стоят в связи с тем или иным исходом Алжезирасской конференции, при чем, казалось бы, революционное движение в России не менее затрагивает и интересы Германии, как монархической державы. В объяснениях с канцлером необходимо на первый план выставлять почти полное пренебрежение берлинского кабинета к тем усилиям, которые проявляли французские делегаты, чтобы достигнуть соглашения».

«Нетерпимость именно Германии, а вовсе не Франции лиш- ний раз обнаружилась в доводах, представленных вам канцле- ром, который упускает из виду все уступки, сделанные париж- ским кабинетом...».

«В виду изложенного нам представляется едва ли возможным произвести какое-либо влияние на Францию, уже явившую бесспорные доказательства уступчивости...»

«Если таким образом последует разрыв конференции, то в среде всех держав, несомненно, утвердится убеждение, что неуспех соглашения в Алжезирасе является исключи- тельно следствием агрессивных замыслов Гер- мании».

Но Германия все продолжала делать затруднения. Это вынудило меня обратиться к императору Вильгельму с ведома моего государя. Я ранее рассказывал, что, будучи в Роминтене у германского императора, он на прощание сказал мне, что, если мне что-либо будет нужно, то чтобы я к нему обращался через князя Эйленбурга, бывшего в Роминтене с нами, сказав, что я могу быть уверенным, что то, что я ему напишу, будет все им, императором, прочитано, а то, что мне напишет Эйленбург, это равносильно тому, что если бы он сам мне написал. Судя по тем более нежели интимным отношениям между императором и князем Эйленбургом, свидетелем которых я был в Роминтене, я не мог, конечно, сомневаться, что путь через князя Эйленбурга наиболее прямой и конфиденциальный.

У меня нет под руками этой переписки, которая хранится между прочими документами в моем архиве. В письме к князю Эйленбургу я просил его передать императору Вильгельму, что я его очень прошу сообразоваться повелеть скорее окончить благополучно так долго тянувшуюся конференцию в Алжези- расе, что весь Мароккский вопрос по существу для Германии не имеет существенного значения и, напротив, важен для Франции, что в виду той политики, которая была принципиально решена в Биорках и о которой мы так долго говорили в Роминтене— сближение до степени союза России, Германии и Франции, именно Мароккский вопрос, представляет хороший случай Герма- нии выказать свою кулантность и германскому императору свое великодушие по отношению Франции, а между тем для России крайне важно скорейшее улажение мароккского дела и благо- получное окончание Алжезирасской конференции по известным денежным причинам. Письмо это было мною послано особым нарочным, который скоро привез мне ответ, что император ознакомился с моим письмом, что император не может без ущерба для престижа Германии отступить от некоторых условий, и за- тем обыкновенный совет действовать на Францию, чтобы она была уступчивее.

Изложенный образ действий Германии, конечно, меня весьма возмущал, а потому я как-то раз, когда ко мне обратился германский посол по какому-то делу, ему это дал понять. Результатом моего разговора с ним была его телеграмма канцлеру 20 февраля, которая, как и ответная телеграмма канцлера, попали мне в руки, что их авторами не предполагалось. Посол телеграфировал канцлеру:

«Граф Витте при сегодняшней встрече начал со мною разговор о мароккском вопросе и привел те же аргументы, что и граф Ламсдорф; он подчеркнул только откровеннее и с большим ударением весьма затруднительное положение России при продолжении напряжения (чего немцы желали), а также вытекающую отсюда сдержанность банкиров.

Принимая во внимание великие планы и миролюбивые намерения, о которых его императорское величество изволил высказывать в Роминтене, он выразил свое удивление по поводу того, что мы в мароккском вопросе столь мало придаем значения французским уступкам, выразившимся в пожертвовании Делькассе и в предупредительных предложениях Франции. Я возразил, что падение Делькассе представляет событие внутренней политики... Политика его императорского величества направлена, как и ранее, к миру, согласию и доверию. Однако, из этого не следует, чтобы мы пожертвовали твердо обоснованными правами и интересами, которым угрожают другие. Неудача конференции с ее неисчислимыми последствиями будет избегнута, если Франция согласится на находящиеся предложения, которые в достаточной степени будут сообразоваться с международным правом».

На это князь Бюлов отвечал послу 21 февраля: «Граф Витте в беседе с вашим превосходительством подчеркнул, что мы по мароккскому вопросу слишком мало придаем значения французским уступкам, выразившимся в пожертвовании Делькассе...» «Пожертвование Делькассе было актом внутренней французской политики, что было тогда же точно высказано Рувье. Если Франция ныне утверждает, что Делькассе был принесен в жертву ради Германии, то соображение это соответствует известным событиям в 1870 году, когда Франция считала, что удалением Оливье она устранила всякую причину к войне и сняла с себя всякую вину...» «Желаемое Францией исключительное положение в данном вопросе обозначало бы поражение Германии. Если граф Витте указывает на русские интересы, которые могли бы пострадать, то было бы действительно целесообразнее, чтобы он пытался побудить французское правительство отказаться от интриг, приняв более соответственный образ действия».

Через несколько дней после сего, а именно 23 февраля, пал кабинет Рувье на вопросах внутренней политики. Был сформирован новый кабинет с Сарриен во главе (насколько помню), пост министра финансов занял Пуанкарэ (которого лично я не знал), а пост министра иностранных дел в этом кабинете занял Буржуа. Как раз в это время возбудилась полемика между газетою «Temps» и немецкими газетами по поводу одной статьи «Temps», касающейся инструкции, нами данной Кассини.

Я просил графа Ламсдорфа объяснить мне, в чем дело, и вот что граф Ламсдорф ответил мне 11-го марта:

«Инцидент исчерпан. Я объяснился с Шеном и телеграфировал Остен-Сакену. В сущности немцы кругом виноваты; они с некоторых пор лгут постоянно и им, конечно, очень неприятно, когда их неблагоприятные проделки обнаруживаются. На прошлой неделе германское правительство распространило слух, будто бы английский посол в Алжезирасе поддерживает его притязания. Лондонский кабинет официально опровергнул это известие.

Тому назад несколько дней Бомпар (французский посол) явился ко мне по поручению Фальера (президента республики) и Буржуа с просьбою рассеять странное впечатление, произведенное во Франции пущенным в ход (Германией) слухом о том, что нашему уполномоченному в Алжезирасе предписано поддерживать требование германского правительства относительно порта Казабианка.

Я протелеграфировал тотчас же графу Кассини, что, поддерживая нашу союзницу Францию в справедливых ее домогательствах, мы не можем вдаваться в частности и преследуем постоянно одну цель—умиротворение и изыскание почвы для соглашения, вполне достойного обеих дружественных держав (Франции и Германии). Содержание телеграммы моей Кассини было сообщено графу Остен-Сакену (послу в Берлине) и Нелидову (послу в Париже). Нелидов в беседе с одним из сотрудников газеты «Temps» имел неосторожность упомянуть об инструкции, посланной Кассини, что дало повод помещению этой инструкции в совершенно искаженном виде на другой же день в «Temps».

Конечно, первоначальный пущенный слух, будто бы мы дали инструкцию Кассини поддерживать притязания Германии относительно Казабианка, а затем помещение инструкции графа Ламсдорфа в «Temps» в искаженном виде, неблагоприятном для Германии, дало повод, с одной стороны, к недоумению французов, а с другой, — немцев, что, конечно, не могло способствовать ускорению дел в Алжезирасе».

Граф Ламсдорф далее пишет мне в письме: «Графу Сакену было поручено сообщить Бюлову подлинный текст пресловутой телеграммы, который я вчера сам прочел Шену. Сегодня появится

опровержение статьи «Temps». После этого немцам будет решительно не к чему придраться, с чем должен был согласиться германский посол, но, конечно, в Берлине очень неприятно, что все выдумки и некрасивые проделки Бюлова обнаруживаются и не достигают цели всех перессорить в пользу Германии».

По тому же предмету тогда мне писал наш агент министерства финансов в Париже Рафалович: «Je ne saurais assez déplore la polémique engagée avec les journaux allemands par le «Temps». L'auteur de ces articles est un ancien jeune diplomate (Tardieu). C'est lui, qui a obligé le Comte Lamsdorf de remettre les choses au point juste. Notre excellent ambassadeur M. Nélidoff a été victime de la maladresse de Tardieu, qui a accentué sous sa propre responsabilité dans un sens anti-allemand une communication reçue de Grenelle (улица, где находится наше посольство)».

«Il faut faire écrire par les journalistes ce qu'on veut qu'ils publient, le relire et ne pas se fier à leur mémoire. M. Nélidoff en a fait l'expérience à ses dépens. Ma conclusion est qu'il faut être très allié et très ami de la France, mais que cela ne comporte en aucune façon la nécessité de se brouiller avec personne ni de froisser l'Allemagne».

Я дал это письмо прочесть графу Ламслорфу, который, возвращая его мне, между прочим, писал: «Нелидов действительно проявил странное легкомыслие, но немцы бессовестно раздули этот инцидент».

С своей стороны скажу, что Нелидов часто проявлял странное легкомыслие еще в более серьезных делах. В последние годы своего пребывания послом в Турции чуть не ввел нас в авантюру захвата Босфора¹⁾, а затем, конечно, в европейскую войну, и мне с трудом удалось устранить эту затею, затем, будучи переведен послом в Рим в 1904 году, по поводу предполагавшейся отдачи нашим императором визита итальянскому королю, напутал так, что король просил убрать его из Рима, когда же затем в 1905 году явилась мысль послать его в Америку вести с японцами переговоры о мире, вдруг с испугу заболел и проч....., но это все между прочим.

Как только образовалось министерство Сарриена вместо министерства Рувье, я дал инструкцию Рафаловичу явиться к министру финансов Пуанкарэ и доложить ему весь ход дела о займе. То же должен был сделать и представитель синдиката банкиров Нейцлин, с которым я все время находился в непрерывных телеграфных сношениях как по поводу проведения, так

¹⁾ См. т. I, гл. VI.

и условий займа, в существенных частях условленных уже в Царском Селе.

В начале марта Рафалович видел сначала М. Ненгу, директора коммерческого и консульского отдела министерства иностранных дел (человека, очень близкого министру Буржуа), а затем и нового министра финансов Пуанкарэ, которым в подробности объяснил все дело о займе, при чем высказал, что я считаю, что между мною и Рувье состоялось соглашение, по которому я должен оказать всякое содействие к урегулированию Мароккского вопроса, а когда Алжезирас кончится благополучно, то французское правительство должно оказать нам всякое содействие к совершению займа, все основания которого уже условлены мною с Нейцлиным.

Новое министерство и специально министр финансов Пуанкарэ отнеслись к делу сочувственно, но употребили некоторое время на изучение дела. Рувье им передал с своей стороны весь ход этого дела. Дело же все-таки ожидало окончания Алжеризасской конференции, а эта конференция, по причинам, достаточно выясненным предыдущим изложением, тянулась вместо недели месяцы. Германия делала все от нее зависящее, чтобы затянуть дело, прижать Францию, и поставить императорское правительство в трудное положение, но так как всему есть конец, то и конференции наступил конец; державы, участвовавшие в конференции, все более становились на сторону Франции, видя преднамеренное упорство Германии. Германия не решалась пойти против конференции, и потому она, рассмотрев все вопросы, должна была кончиться. Уже 16 марта граф Ламсдорф мне написал: «Из весьма секретного источника (сообщения канцлера послу Шену) явствует, что князь Бюлов считает дело в Алжезирасе благополучно оконченным и стремится только уверить ныне Германию, что им достигнуто все то, что она могла желать».

12 же марта Нейцлин, между прочим, писал мне о своих предположениях относительно дальнейших сроков ведения этого дела и оговаривался, что при условии благополучного окончания Алжезираса наш представитель должен будет приехать в Париж около 10 апреля (н. ст.) (для чего?) «pour achever la rédaction et conclure avec le syndicat le contrat».

В этом же письме как и в других сообщениях он мне указывал, что Пуанкарэ возбуждает постоянно вопрос о праве императорского правительства без Государственной Думы заключить заем. Я ответил, что по этому вопросу, когда наступит момент заключения займа, представлю доказательства такого права. С этою целью я просил профессора международного права Мартенса (члена совета министерства иностранных дел) составить

надлежащее разъяснение. Обратился я к Мартенсу потому, что он за границу считался большим авторитетом в подобных вопросах. Мартенс составил на французском языке надлежащую записку, в которой выяснялось право правительства на совершение такой операции. Записка эта была мною передана нашему уполномоченному для подписания контракта займа. Тогда же я дал все указания Нейцлину Рафаловичу относительно сношений с прессою по приготовлению к займу. Так как в то время было уже ясно, что Алжезирасская конференция благополучно кончается, то я доложил государю императору, что это дело можно считать конченным и что для окончания некоторых второстепенных вопросов, связанных с каждым займом, а также подписания контракта нужно назначить уполномоченного, который поехал бы в Париж, так как в данном случае заем международный и приезжать уполномоченным от банкиров различных стран, принимающих участие в займе, неудобно.

Его величество меня спросил, кого я полагаю назначить?

Я ответил, что министр финансов, вследствие серьезности положения дела здесь, ехать не может, и что, так как в сущности все сделано и условлено мною, а остается мелочь, так называемая финансовая кухня, то можно послать хотя бы управляющего государственным банком Тимашева (нынешний министр торговли). На это государь мне сказал, что если мне все равно, то чтобы я послал Коковцова, чтобы его не обижать. Я ответил, что мне безразлично кого послать, так как в сущности дело кончено.

Со дня возвращения Коковцова из Парижа, в декабре 1905 года, я более с ним речи о займе не вел и во всех переговорах он не принимал решительно никакого участия.

Около 20-го марта Нейцлин уехал в Лондон, чтобы встретиться там с представителями лондонских фирм (Ревельстоком), берлинских (Фишелем, участником дома Мендельсона) и Морганом (Америка).

22-го марта Нейцлин мне телеграфировал о переговорах с Ревельстоком, Фишелем и Морганом, при чем в телеграмме было сказано, что Фишель ожидает окончательного разрешения германского правительства завтра, а что Морган уже не так благосклонно относится к займу, как прежде. А с Морганом (отцом) я условился о займе еще в Америке, и он мне обещал принять участие в синдикате.

23-го марта Нейцлин мне телеграфировал из Лондона, что ему Фишель сейчас сообщил, что он получил указание, что германское правительство не разрешает Германии принять участие в займе.

Итак, Германия сначала тянула Алжезирас в расчете, что мы вследствие замедления в займе должны будем спустить флаг свободного обмена кредитных билетов на золото. Это ей не удалось. Тогда в последний момент перед займом коварно приказала своим банкирам не принимать участия в займе.

Ранее же Вильгельм все уверял государя императора, что мне не удастся совершить заем, потому что еврейские дома не примут в нем участия, на что я между прочим отвечал, что еврейские дома не примут официального участия в синдикате займа, но, конечно, будут охотно подписываться на заем в качестве частных лиц, если заем этот будет для них выгоден.

Само собою разумеется, что Германии было бы очень выгодно, чтобы Россия прекратила обмен кредитных билетов на золото и была в зависимости от биржевой игры в Берлине, как это долго было, покуда я не ввел золотую валюту.

Вслед за Германией от участия в займе отказался и Морган, к которому лично весьма благоволил Вильгельм и который всегда, несмотря на демократизм американца, очень дорожил вниманием столь высокой коронованной особы. Но и этот коварный шаг Германии не удался.

На сообщение Нейцлина я ему 24-го марта отвечал:

«Je vous ai prévenu des dispositions en Allemagne. On y attendait un prétexte pour faire difficultés. N'ayant pas trouvé d'autres prétextes ils ont décidé émettre emprunt ce qui n'était pas du tout urgent. Au fond c'est une vengeance pour Algésiras et pour rapprochement avec l'Angleterre. Dans pareilles circonstances non seulement il n'y a pas de raison pour que les autres pays diminuent leurs parts, mais au contraire il serait logique de les augmenter. De même il n'y a pas de raison pour remettre l'affaire, il faudrait plutôt l'accélérer».

Давая эту телеграмму, я был уверен, что все-таки германский рынок, в особенности в лице самого важного германского банкирского дома Мендельсона, с главою которого Эрнестом я был в самых прекрасных отношениях, имея в виду, что этот дом уже около ста лет был верен финансовым интересам России, примет участие в займе, хотя берлинские дома и не будут в синдикате. В ночь с 23-го на 24-ое марта я также дал Рафаловичу такую телеграмму:

«Le gouvernement allemand pour venger Algésiras et craignant que l'emprunt nous réunira avec la France encore davantage et posera le commencement du rapprochement avec Angleterre au dernier moment ne donna pas aux banquiers l'autorisation d'entrer dans le syndicat international. Pour trouver un prétexte plausible de cet acte hostile le gouvernement allemand émet d'une manière

inattendue emprunt. Il y a deux semaines encore quand Mendelsohn était venu à St.-Petersbourg ayant des instructions de son gouvernement (он приезжал для того, чтобы переговорить со мною по некоторым вопросам, касающимся предстоящего займа); il ne s'agissait pas de refus. La décision était prise par le gouvernement allemand tout à fait inopinément pour déranger l'affaire et démontrer: Vous avez un temps soutenu la France, maintenant Vous verrez que Vous avez fait une faute. Renseignez les journaux français d'un ton conforme toute cette machination».

Отказ немцев и американцев от участия в займе не повлиял на англичан. Напротив того, Нейцлин сейчас же после отказа Фишеля телеграфировал мне, что отказ немцев и американцев не произвел впечатления на Ревельстока. Вообще Алжезирас был после многих и многих десятков лет первым проявлением сближения России с Англией. Как Россия, так и Англия твердо поддерживали там Францию и таким образом являли всему свету полную солидарность.

Австрийские дома также, несмотря на отказ Германии, не отказались от своего ранее принятого решения участвовать в займе. Италия от участия в займе отказалась, но по чисто финансовым соображениям. Эта страна недавно только установила размен. Итальянский король, будучи несколько лет ранее этого времени в России, подарил мне итальянский золотой, сказав при этом любезность, что он привез этот первый золотой, вычеканенный на итальянском монетном дворе, дабы подарить его создателю золотого обращения в великой Российской империи.

Вообще можно сказать, что Германия вела не умную политику в Алжезирасе. Вместо того, чтобы воспользоваться этой конференцией для проложения первого этапа к действительному сближению с Францией и стремлению к союзу России, Германии и Франции, который должен был увенчаться союзом континентальной Европы, о чем именно и была речь и, повидимому, было условлено императором Вильгельмом со мною в Роминтене, конференция эта послужила мотивом к сближению России с Англией.

Я до сих пор не могу себе представить, что это случилось по недальновидности германской политики, я склонен думать, что выходящая из ряда вон любезность, проявленная по отношению меня Вильгельмом в Роминтене, и разговоры со мною об осуществлении моей заветной идеи континентального союза посредством союза России, Франции и Германии были только шагами, чтобы очаровать меня, зная, что, когда я через несколько дней вернусь в Петербург, от меня во многом будет зависеть привести в исполнение пресловутый и поразительный договор,

подписанный обоими императорами в Биорках, когда я проездом в Америку был в Париже.

Когда Вильгельм увидал, что с моим приездом договор этот был аннулирован, германская дипломатия была озадачена, но думала, что я еще одумаюсь, а когда увидала, что, с одной стороны, я поставлен в крайнее затруднение грозящим расстройством имперских финансов, а с другой, — что мы поддерживаем на конференции Францию, то дипломатия эта вздумала отомстить мне, как руководителю императорского правительства, вынудив Россию прекратить размен и, между прочим, подушить исконного неприятеля—Францию. После приема, который оказал мне Вильгельм в Роминтене, приема самого фамильярного и не как обыкновенного смертного, а лица, украшенного особыми дарами, несмотря на разочарование его, происшедшее вследствие аннулирования биоркского договора по приезде моем в Петербург, Вильгельм еще не решался отвернуться от меня и 1-го января поздравил меня, прислав с собственноручною надписью открытку, изображающую один из моментов свиданий императоров в Биорках, что должно было как бы напомнить мне, что все-таки, хотя и в другом виде, мысли, проводимые в Биорках и потом в Роминтене, нужно реализовать.

Вильгельм в этом отношении не ошибался, я действительно всегда сочувствовал принципу сближения России, Франции и Германии, и если бы оставался у власти, то провел бы, по крайней мере старался бы всеми силами провести сближение этих трех держав.

Вероятно уже после января Вильгельм заметил, что первый пароксизм революции был потушен 17-м октябрем и Трепов и Дурново меня отодвинули и затушевали в чувствах государя, а потому, предугадывая непрочность моего положения, он уже забыл свои слова, сказанные в Роминтене, что когда мне (конечно, не по личным же делам?) будет что-либо нужно, то я могу всегда к нему обратиться через князя Эйленбурга, и он меня постарается поддерживать. Когда же я к нему обратился, прося покончить с Алжирасской конференцией в виду трудности положения России, то он не внял моей просьбе и дал уклончивый ответ, а затем коварным отказом от займа думал поставить меня в полное затруднение. Это не удалось, и немцы, не участвуя в синдикате, как это я сейчас объясню, все-таки приняли участие в операции.

Когда все политические затруднения по займу были устранены, а заем во всех своих главных частях был установлен посредством переговоров, веденных мною в течение трех месяцев, и, как это мною сказано ранее, согласно желанию государя было решено послать для подписания контракта и установления с банкирами деталей Коковцова, то около 20-го марта я попросил его к себе, объяснил ему все положение дела, распорядился, чтобы

ему были предъявлены все условия, на которых мы остановились, дал ему самые определенные инструкции и после 26-го марта отправил его в Париж (кажется, 26 или 27-го), при чем вместе с ним поехал Вышнеградский (сын бывшего министра финансов), бывший все время, когда я был министром финансов, моим сотрудником, служа в кредитной канцелярии сперва начальником отделения, а потом вице-директором; ныне он руководитель одного из наибольших русских банков—с.-петербургского международного банка; он всю финансовую кухню займов и вообще кредитную часть знал в совершенстве. Таким образом я был покоен, что и в этом отношении не будет сделано промаха.

Через несколько дней по приезде Коковцова и Вышнеградского в Париж контракт на заем был подписан (3-го апреля) Коковцовым, как представителем русского правительства, а затем представителями всех участников международного синдиката банкиров. Уже через 8 или 9 дней Коковцов с Вышнеградским возвращались в Россию, везя с собою контракт. Контракт этот был передан мне и затем представлен министром финансов Шиповым по принятому порядку в комитет финансов, который, рассмотрев его и утвердив, представил через министра финансов Шипова на утверждение его величества.

По возвращении из Парижа Вышнеградского, через него мне прислал глава банкирского дома Мендельсон и К-о в Берлине, главнейшего банкирского дома всей Германии, Эрнест фон Мендельсон-Бартольди следующее письмо от 5-18 апреля:

«Je profite du passage de M. Wichnegradsky pour Vous faire parvenir ces lignes qui doivent vous féliciter de la conclusion de la grande affaire et vous dire avec quelle profonde satisfaction nous voyons cette importante transaction enfin arrivée au port. J'aimerais bien vous dire avec quels sentiments nous nous trouvons hors de l'action après tous les travaux, toutes les peines que nous nous sommes donnés: mais Vous savez tout cela, et je n'ai pas besoin de mots pour Vous l'exprimer. La seule chose que nous ayons pu faire, c'est d'avoir tâché de contribuer partout (sur les places étrangères) à exciter et fortifier l'intérêt pour le nouvel emprunt, et ce non seulement en théorie par notre correspondance et nos entretiens avec nos différents amis, mais aussi en pratique. A cet égard je tiens à Vous dire (m a i s à V o u s s e u l, car, pour des raisons que Vous comprendrez, il faut absolument que cela reste dans le plus strict secret) que nous avons pris un intérêt dans l'affaire à Paris, à Londres, à Amsterdam et à Pétersbourg, séparément dans chacune de ces quatre places, afin que l'une ne le sache de l'autre; naturellement nous l'avons fait pour faire le plus d'effet possible sur les maisons respectives pour contrecarrer

des l'abord une fâcheuse impression qui pourrait être produite par l'abstention de l'Allemagne. Je crois qu'en effet cette politique de notre part a porté ses fruits et une certaine angoisse que nous avions aperçue çà et là a été entièrement bannie. Nous en sommes très heureux! Je suis très content de pouvoir Vous dire que nous apercevons des tendances très favorables pour l'affaire dans les cercles financiers».

Из этого письма первого германского банкира видно, что германское правительство и на этот раз нанесло удар мимо. Действительно уже 17-30 апреля главнейший представитель синдиката всех участников займа Нейцлин мне сообщал:

«L'emprunt international est un fait accompli, la dernière étape a été franchie hier. Cette grande victoire financière est aujourd'hui le thème de la conversation générale, et le crédit russe est pour la première fois, depuis le commencement de la guerre, en train de faire de nouvelles racines dans un terrain considérablement élargi. En constatant ce fait dont, grâce à Votre Excellence, j'ai eu l'honneur d'être l'ouvrier de la première à la dernière heure, je me tourne vers Votre Excellence, rempli d'une profonde reconnaissance pour la confiance qu'Elle m'a témoignée pendant tout le cours de l'opération. En abandonnant, dans notre conversation à Tzarskoé Sélo, les plans préparés d'avance Votre Excellence m'a donné la pleine mesure de son approbation qui m'a, seule, soutenu et encouragé pendant les moments critiques que la négociation a traversés».

Совершенный заем был действительно делом чрезвычайной важности. Заем этот был самый большой, который когда-либо заключался в иностранных государствах в истории жизни народов. После франко-прусской войны Тьеру удалось заключить заем несколько больший, но заем этот был по преимуществу внутренний, а нынешний заем был почти целиком распродан за границу. Благодаря ему Россия удержала в целости установленное мною еще в 1896 году денежное обращение, основанное на золоте; благодаря целости денежного обращения сохранились в целости все основания нашего финансового устройства, которые преимущественно были установлены мною, которые не без похвальной стойкости поддерживает Коковцов, и которые, между прочим, дали возможность России поправиться после несчастнейшей войны и сумбурной смуты или русской революции. Заем этот дал императорскому правительству возможность пережить все перипетии 1906—1910 годов, дав правительству запас денег, которые вместе с войском, возвращенным из Забайкалья, восстановили порядок и самоуверенность в действиях власти. Как же относился ко всем перипетиям займа государь император?

Его величество вполне сознавал всю важность совершить заем и все бедствия, которые произойдут, если это дело не удастся. Как во всех финансовых делах всегда, как и прежде во все время моей бытности министром финансов, он мне вполне доверял и не мешал мне действовать; поскольку эта финансовая операция зависела от политических действий и здесь, он мне предоставил действовать по моему усмотрению. Он был как бы посторонним зрителем большой финансово-политической шахматной игры, но зрителем, сознающим всю важность для России результатов этой игры и интересующимся ее исходом. Когда в феврале и марте месяце мне уже было невтерпех от проявления реакционных выступлений против 17 октября, когда уже меня в известном лагере начали заочно величать изменником, и когда многие действия господ Дурново, временных генерал-губернаторов и многих других, покровительствуемых дворцовыми сферами, производились помимо меня, но естественно ложились на мою ответственность, как на главу правительства, и я начал заговаривать, что не отпустят ли меня и не назначат ли вместо меня человека, которому более доверяют, то прямо говорили, что, куда не кончится дело займа, это невозможно. Государь ясно сознавал, что заем могу совершить только я, во-первых, в виду моего престижа во всех денежных заграничных сферах и, во-вторых, в виду моей опытности.

15 апреля в собственноручном письме ко мне его величеству было угодно написать: «Благополучное заключение займа составляет лучшую страницу вашей деятельности. Это большой нравственный успех правительства и залог будущего спокойствия и мирного развития России». Как видно, государь отлично оценил значение займа.

В заключение рассказа о займе я хочу вернуться еще к Коковцову. Когда он возвратился из Парижа и привез контракт, то явился ко мне и поздравил меня с успехом. Я его благодарил за точное исполнение данного ему поручения. Вместе с тем он заговорил со мною о том, не могу ли я ему выхлопотать из этого займа вознаграждение тысяч восемьдесят. Это заявление в то крайне критическое денежное положение меня озадачило, и я не нашелся, что ему ответить, сказав, что поговорю с министром финансов Шиповым. Я виделся с Шиповым, рассказал ему об этом разговоре с Коковцовым и выразил мнение, что, вероятно, Коковцов полагает, что министры финансов и их сотрудники, как в прежнее время до Александра III, получают вознаграждение при совершении займов из сумм займа. Обычай этот был уничтожен Александром III.

Шипов был очень удивлен шагом Коковцова, высказался возмущенно против просьбы его, и я ему, Шипову, поручил объяс-

ниться с Коковцовым, благо он с ним в хороших отношениях, и советовал, чтобы Коковцов этого вопроса более не подымал. Затем Коковцов просил председателя Государственного Совета Сольского, дабы он устроил ему по поводу займа награду. Граф Сольский говорил по этому предмету со мной, и я не встретил к этому препятствий. Ему при рескрипте был дан Александр Невский.

Наконец, открылась Государственная Дума. Я ушел. Было образовано министерство Горемыкина.

Горемыкин предложил место министра финансов Коковцову; Коковцов зашел ко мне, спросил моего мнения по поводу этого предложения. Я ему посоветовал согласиться. Затем к моему большому удивлению он в Государственной Думе заявил о том, как финансовое положение России было спасено займом 1906 года, как ему трудно было его совершить, и какие мучения он испытал при ведении дела. Одним словом почтеннейший Владимир Николаевич рассчитывал на то, что, так как ни Государственной Думе, ни россиянам неизвестно, как совершалось это чрезвычайное дело, то все поверят, что он—Владимир Николаевич—явился спасителем России. Тут весь Коковцов...

Вследствие таких заявлений его я собрал сохранившиеся у меня документы по займу 1906 года, которые составляют отдельную папку в моем архиве. Некоторыми из этих документов я выше и воспользовался, так как случайно они оказались у меня под руками *.